

МОЯ
НОВАЯ
СЕСТРА

КЛЭР
ДУГЛАС

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д80

Claire Douglas
THE SISTERS

Copyright © Claire Douglas, 2015

All rights reserved

Дуглас, Клэр.
Д80 Моя новая сестра / Клэр Дуглас ; [перевод с ан-
глийского М. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2025. —
384 с. — (Ток. Domestic-триллер. Тайны маленького
городка).

ISBN 978-5-04-221191-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБО-
РОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Когда умирает одна из сестер, из другой словно вынимают сердце...

Полтора года назад Аби потеряла свою сестру-близнеца, и с тех пор ее жизнь практически остановилась. Она уволилась с работы, переехала из Лондона в маленький городок Бат и однажды встретила на улице ее. Девушку, похожую как две капли воды на ее погибшую сестру...

Аби видит в Беатрисе родственную душу, и неспроста. У той тоже есть близнец — брат Бен, в которого Аби влюбляется с первого взгляда. Она переезжает в дом близнецов и отчаянно пытается влиться в артистическую компанию, проживающую в этом особняке. Но один за другим звучат тревожные звоночки: испорченное фото, пропавшие письма сестры, мертвая птица в постели...

Это дело рук собственницы Беатрисы? Кто-то хочет свести Аби с ума? Или же все дело в ней самой?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Смирнова М., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221191-1

*Посвящается памяти
моего брата Дэвида и моей сестре Сэм*

Я хотела бы иметь больше сестер,
дабы потеря одной из них не оставляла
такой тишины.

Эмили Дикинсон

...мы близнецы и потому любим друг
друга сильнее, чем прочие люди...

*Луиза Мэй Олкотт,
«Маленькие мужчины»¹*

¹ Перевод Анны Матвеевой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я вижу ее повсюду.

Она маячит за окном итальянского рестораника на углу моей улицы. В руке у нее бокал вина — какого-то игристого, наподобие просекко, — она смеется, запрокидывая голову, белокурое каре обрамляет ее лицо в форме сердечка, изумрудные глаза сверкают.

Она пытается перейти дорогу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу, пока терпеливо ждет просвета в уличном движении, ее верная коричневая сумка покачивается на согнутой в локте руке.

Она бежит на автобус в своих черных сандалиях и облегающих джинсах, очки в тонкой оправе сдвинуты наверх и прижимают волосы надо лбом, подобно ободку.

И каждый раз, когда вижу ее, я бросаюсь к ней, машинально вскидывая руку, чтобы привлечь ее внимание. Потому что в эту долю секунды я забываю обо всем. В этот крошечный промежуток времени она по-прежнему жива. А потом память обрушивается на меня сокрушительным цунами эмоций, и я тону в них. Тону в осознании того, что это не она, что это никак не может быть она.

Люси повсюду — и нигде. Такова реальность.

Я никогда больше не увижу ее.

Сегодня, ранним шумным вечером пятницы, она стоит возле вокзала Бат-Спа и раздает рекламные листовки.

Я замечаю ее, когда сижу в кафе напротив, потягивая капучино, и даже сквозь залитое дождем окно сходство этой девушки с Люси заставляет меня получше присмотреться к ней. То же худощавое тело, окутанное алым плащом, светлые волосы до плеч и слишком широкий рот, неизменно создававший впечатление, будто ей весело — даже когда она была глубоко несчастна. Она держит над головой пятнистый зонтик, защищаясь от очередного нежданного весеннего ливня, и с ее лица не сходит улыбка, даже когда недовольные прохожие, спешащие в магазин или на пригородный поезд, игнорируют ее или когда проезжающий автобус посылает в ее сторону маленькую приливную волну, обдавая брызгами ее голые лодыжки и изящные туфли-лодочки с леопардовым принтом.

Мой желудок сжимается, когда группа мужчин в деловых костюмах на несколько долгих секунд заслоняет ее от меня, в едином порыве направляясь в сторону вокзала. И я испытываю почти осязаемое облегчение, когда вижу, что ее не унесло толпой, что она стоит на том же самом месте, протягивая листовки равнодушным прохожим. Она роется в огромной вельветовой сумке, пытаясь придержать согнутым локтем рукоять зонтика, и по тени усталости, скрывающейся за бодрой улыбкой, я вижу — скоро она завершит свой рабочий день.

Я не могу упустить ее. Я залпом проглатываю свой кофе и даже не обращаю внимания на то, что горячий напиток обжигает мне нёбо, потом вылетаю за дверь, под дождь, на бегу надевая ветровку. Поспешно застегнув

молнию, я натягиваю на голову капюшон — иначе волосы промокнут и слипнутся сосульками — и пересекаю дорогу. По мере приближения я вижу, что эта женщина лишь отдаленно напоминает мою сестру. Волосы у нее скорее рыжевато-каштановые, чем белокурые, глаза цветом напоминают прозрачный акациевый мед, а нос — чуть-чуть вздернутый, с россыпью веснушек. И еще она выглядит старше, возможно, чуть-чуть за тридцать. Но она так же красива, как Люси.

— Привет, — улыбается она, и я осознаю, что стою рядом с ней и глазею на нее в упор. Но она не выглядит встревоженной. Должно быть, привыкла, что люди тарачатся на нее. Похоже, она даже рада тому, что кто-то решил остановиться рядом с ней.

— Привет, — выдавливаю я, когда она протягивает мне размякшую от дождя листовку. Я беру бумажку и быстро пробегаю по ней глазами. Отмечаю яркую картинку и слова «Художники Бэр-Флэт»¹ и «Открытая студия» — а потом поднимаю на девушку вопросительный взгляд.

— Я художница, — объясняет она.

По двум красным пятнам, появившимся на ее округлых щеках, я догадываюсь, что она новичок в этой профессии, что еще не заслужила право называть себя художником — скорее всего, она просто взрослая ученица. Она говорит мне, что в ее доме есть студия и что она открывает ее для публики в рамках акции художников Бэр-Флэт.

¹ Ассоциация художников, размещающаяся в Бэр-Флэт, одном из районов Бата, и часто проводящая открытые выставки-ярмарки. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

— Я делаю и продаю украшения, но там будут и другие, со своими картинами или фотографиями. Если вам интересно, приходите, пожалуйста, будем рады.

Теперь, стоя рядом с ней, я вижу, что в ушах у нее непарные цветные сережки, и гадаю: то ли она сделала это намеренно, то ли надела утром по рассеянности, не заметив, что они разные. Мне нравится это — Люси тоже могла бы так сделать. Люси была из тех людей, которых не волнует, если оттенок губной помады отличается от цвета блузки или если сумка подобрана не в тон туфлям. Если она видела что-то, что ей нравилось, она надевала это вне зависимости от чего бы то ни было.

Девушка замечает, как я смотрю на ее уши.

— Я сделала их сама, — гордо говорит она, дотрагиваясь до левой сережки, желтой и изящной, в форме цветка маргаритки. — Кстати, меня зовут Беатриса.

— Я Аби. Аби Кавендиш.

Я жду ее реакции. Эта реакция почти неуловима, однако я уверена, что в глазах девушки мелькает узнавание при упоминании моей фамилии. И я знаю: она наверняка видела ее не в качестве подписи к моим заметкам в газете. Потом говорю себе, что я параноик; я постоянно работаю над этим со своим психотерапевтом Дженис. Даже если Беатриса в свое время читала статьи в прессе или смотрела новости относительно Люси, вовсе не обязательно, что она вспомнит об этом: это случилось почти полтора года назад. Другая история, другая девушка. Мне это хорошо известно, когда-то я ежедневно писала заметки о таких вещах. Теперь я нахожусь по другую сторону. Я сама фигурировала в новостях.

Беатриса улыбается, и я стараюсь выкинуть из головы мысли о сестре. Переворачиваю листовку, при-

творяясь, будто размышляю о возможности пойти на это мероприятие; дождь барабанит по зонтику Беатрисы и по капюшону моей ветровки с мерным «тук-тук-тук».

— Извините, она мокрая. Не лучшая идея — раздавать листовки под дождем, верно? — Она не ждет моего ответа. — Вы не обязаны ничего покупать, можете просто прийти и посмотреть, привести с собой друзей. — Голос у нее мягкий, такой же солнечный, как ее улыбка. В нем звучит легкий акцент, который я не могу опознать. Что-то северное, возможно Шотландия. Я никогда не умела распознавать акцент.

— Я в Бате достаточно недавно, так что у меня мало знакомых. — Слова слетают с моего языка прежде, чем я успеваю их обдумать.

— Ну, теперь вы знакомы со мной, — тепло отвечает она. — Приходите, я могу представить вас кое-кому, кого вы не знаете. Это интересные люди.

Она склоняется ближе ко мне и заговорщически шепчет:

— И кроме того, это отличный способ заглянуть в дом к другим людям.

Она смеется. Смех у нее высокий и звонкий. Точь-в-точь как у Люси — и это подкупает меня.

Все то время, пока я бреду по вымощенным брусчаткой переулкам, уголки моих губ невольно изгибаются вверх от воспоминаний о ее улыбке, ее теплоте. Я уже знаю, что завтра заеду к ней.

Мне не требуется много времени, чтобы добраться до моей однокомнатной квартиры. Она размещается в красивом георгианском здании на плотно застроенной стороне дороги, ведущей прочь от Сёркуса, — машины здесь припаркованы буквально бампер

к бамперу. Вхожу в обшарпанный вестибюль с серым вытертым ковром на полу и стенами, облицованными лососево-розовыми древесно-стружечными плитами, останавливаюсь, чтобы отклеить бурый конверт от подошвы своего конверса. Смотрю на письма, раскиданные по вестибюлю, и с надеждой подбираю их, увидев, что они адресованы мне. Конверты «украшают» грязные следы — соседи прошли по ним, даже не озаботившись поднять. Я просматриваю их, и мое сердце слегка опускается: здесь только счета. Никто больше не пишет письма — и уж точно не пишет их мне. Наверху, в коробке, стоящей на гардеробе, у меня хранятся письма, записки, корешки от входных билетов в музеи и другие следы жизни Люси. Я забрала их из ее комнаты после ее смерти. Мы обе хранили всю нашу переписку более чем за десять лет, с тех пор, как учились в разных университетах, — и до тех пор, пока не смогли приобрести компьютеры и ноутбуки, до тех пор, пока вообще не узнали, что такое электронная почта.

Я протискиваюсь мимо горных велосипедов, принадлежащих спортивной чете, которая проживает в подвальной квартире, изрекаю ругательство, оцарапав лодыжку о педаль, и взбираюсь по лестнице на верхний этаж. Я по-прежнему сжимаю рекламную листовку, которая уже начала расползаться от дождя.

Я отпираю входную дверь и вхожу в прихожую, которая выглядит намного круче, чем захламленный общий вестибюль внизу. Квартира съемная, однако ее хозяин еще до моего приезда покрасил стены в бледно-серый цвет и сделал деревянный пол «под дуб». Потом здесь побывала мама и быстро украсила квартиру ковриками, пледами и фотографиями в рамках, чтобы придать

этому месту более домашний вид — дабы у ее единственного оставшегося ребенка была хоть какая-то причина жить.

Когда я снимаю мокрую куртку, вижу на боковой полочке вешалки, отделанной черным шпоном, свой мобильный телефон, и мое сердце замирает. Я в страхе хватаю мобилник, надеясь, что на нем не будет пропущенных звонков, но их десять. *Десять*. Я пролистываю список. Большинство из них от мамы, но парочка — от Нии, наряду с голосовыми сообщениями, в которых меня просят перезвонить, и в голосах этих сквозит почти неприкрытая паника. Меня не было дома всего два часа, но я знаю: мои близкие думают, будто я пыталась покончить с собой. Почти год прошел с того момента, как я оказалась *там* — мне до сих пор невыносимо думать об этом, — но они по-прежнему считают меня психически нестабильной, неуравновешенной и полагают, будто меня нельзя надолго оставлять в одиночестве. Я натягиваю рукава джемпера на запястья, неосознанно пряча серебристые шрамы, которые почти перестали быть заметными.

Квартира заполнена угрюмыми тенями, хотя только только пробило пять часов. Пейзаж за окнами выглядит так, словно на Бат набросили огромное грязно-серое полотно. Я включаю лампу в гостиной, и ярко-оранжевое сияние мгновенно делает обстановку теплее; потом сажусь на диван, намереваясь позвонить родителям. Это нужно сделать как можно скорее, иначе папа примчится сюда на своей кислотно-зеленой «Мазде», притворяясь, будто он просто «проезжал мимо», хотя на самом деле он хочет убедиться, что я не лежу без сознания на кровати в окружении пустых флакончиков из-под таблеток.

Мобильник прерывает мои раздумья негромкой мелодией «Waterloo Sunset» в исполнении группы The Kinks, и я от неожиданности роняю его и в ступоре наблюдаю, как он скачет по полу. К горлу подступает паника. Я не узнаю имя, высветившееся на экране. Я не знаю, кто мне звонит. Сердце начинает учащенно колотиться, я чувствую, как потеют ладони, переворачивается желудок, сжимается гортань — такие знакомые ощущения. «Успокойся, вспомни дыхательные упражнения. Это должен быть кто-то, кого ты знаешь. Эта песня что-то означает для тебя. «Waterloo Sunset». Лондон. Ния». Конечно.

От облегчения я едва ли не смеюсь. Это звонит Ния. Всего лишь Ния. Мое сердце замедляет свое неистовое биение, и я наклоняюсь, чтобы поднять телефон. К этому моменту музыка умолкает, и в списке пропущенных звонков в очередной раз высвечивается имя Нии.

— Ради всего святого, Аби, ты заставила меня поволноваться. Я уже несколько часов пытаюсь связаться с тобой, — ворчит она, когда я ей перезваниваю.

— Меня не было дома всего два часа, я просто забыла взять с собой телефон.

— Чем ты занималась? — Я отмечаю нотки сомнения в ее голосе, как будто она подозревает, что я собиралась повеситься в лесу или сунуть голову в газовую духовку. — У тебя что, нет никакой работы?

Я подавляю вздох. Когда-то я работала выпускающим редактором в глянцевом журнале. Теперь я лишь время от времени занимаюсь фрилансом как журналист, когда у меня есть для этого настроение — или, скорее, когда у меня заканчиваются деньги. Лишь

горстка знакомых не отвернулась от меня, и это неудивительно после всего, что случилось за последний год с лишним.

— Миранда говорит, что сейчас для меня нет особой работы, — лгу я.

Миранда, моя прежняя начальница, — одна из тех, кто от меня не отвернулся. Я бросаю в направлении кофейного столика листовку, которую все еще держу в руке, но промахиваюсь, и листок, тяжелый от дождевой воды, шлепается на пол. Теперь он превратился в комок бумажной массы, строки на нем невозможно прочесть, но эта надпись буквально запечатлелась на сетчатке моих глаз. Я сбрасываю кроссовки, потом кладу ступни на бархатные подушки и смотрю сквозь створчатое окно на крыши Бата, пытаюсь разглядеть над кирпичными зданиями шпиль аббатства. Дождь резко прекращается, и солнце пытается пробиться сквозь черные тучи.

Тон Нии смягчается.

— Ты в порядке, Абс? Ты живешь теперь одна в едва знакомом тебе месте, и...

— Мама и папа живут в четырех милях отсюда.

Я заставляю себя рассмеяться, но ирония ситуации не ускользает от меня. В восемнадцать лет я отчаянно хотела поступить в университет, чтобы сбежать от родителей, прочь из маленького городка Фарнем в Суррее, где мы жили тогда. А теперь представьте мое нынешнее положение. Мне почти тридцать лет, и я, как маньячка, последовала за ними в этот город, куда они переехали, чтобы попытаться заново построить свои разбитые жизни. Вряд ли у них это получится, если я буду болтаться рядом и напоминать им об их потере.